



С. Г. Марчук

ИАКИНФ БИЧУРИН (страницы жизни)

Гуляя по Александро-Невской лавре, редко кто не остановится у невысокого черного обелиска: Иакинф Бичурин (1777 – 1853) и столбик китайских иероглифов. Обратила на него внимание и я. Это имя ничего не говорило мне, но от него веяло какой-то загадочностью, необычайной притягательностью.

И вот я держу в руках книгу В. Кривцова «Отец Иакинф» и впервые узнаю о выдающемся востоковеде – основоположнике китаеведения в России, интереснейшем человеке с необычайной и трудной судьбой, обладавшем огромными знаниями и изумительным трудолюбием, о его бесчисленных научных трудах, сохранивших свое значение и в наши дни. Из далекого прошлого передо мной возник образ ученого, который своим гением и энциклопедичностью покорила не только современников, но и потомков, внес бесценный вклад в развитие русской культуры и науки. Свою дипломную работу я посвятила неразрывной связи Н. Я. Бичурина с Петербургом – городом, где прошел самый блестящий и плодотворный период его жизни.

29 августа (9 сентября) 1777 года в глухом селе Акулево Чебоксарского уезда Казанской губернии в семье безвестного простого крестьянина, не имевшего даже своей фамилии, родился сын Никита, которому суждено было стать выдающимся синологом не только своего времени, но и последующих столетий. Будучи от природы даровитым, любознательным юношей, с отличной памятью и чрезвычайно живой натурой, Никита блестяще закончил Казанскую семинарию, остался в ней сначала учителем грамматики, а затем – высшего красноречия. Впереди была новая жизнь, исполнение заветных мечтаний. Но судьба готовила ему иное предназначение. И виной тому юность, любовь: он, она и Саня – друг и соперник. Кого назовет своим суженым Таня Саблукова? Друзья заключили между собой договор: отвергнутый должен принять монашество. И судьба своим перстом указала на Никиту... Но не будь случая, круто изменившего всю его дальнейшую жизнь, и мир остался бы без выдающегося ученого, основоположника научного китаеведения в России, своими трудами далеко опередившего западноевропейских ученых.

Нет больше на свете Никиты Бичурина – есть монах Иакинф, жадно изучающий старые хроники, совершенствующий свои познания в латинском и греческом языках, быстро продвигающийся по службе, благодаря незримому покровительству митрополита Амвросия.

В 1807 году ему представилась возможность уехать в Пекин, возглавив русскую духовную миссию, единственное тогда представительство Российской Империи в Китае, и стать там архимандритом Сретенского монастыря. Поездка была долгожданной и значила для Иакинфа многое: вырваться на свободу, отвлечься от монашеской жизни, никогда не прельщавшей его. Он мог найти достойное применение своей деятельной натуре, только посвятив всего себя науке, интересам своего Отечества. Для Иакинфа Восток, прежде всего, – неисчерпаемый клад знаний и опыта древнейшей цивилизации.

В Пекине о. Иакинф сразу занялся китайским языком и иероглификой, с увлечением предавался основательному изучению истории, географии, литературы, нравов и обычаев этой страны. В своих воспоминаниях литератор и мемуарист, профессор А. В. Никитенко пишет: «Помимо блестящих способностей, изучению китайского языка много способствовало и то, что о. Иакинф был в сношениях с китайцами, монголами, корейцами и туркестанцами. Одетый в китайское платье, он постоянно вращался между ними. Он изучил китайский язык так, как никто из русских его не изучал, и говорил по-китайски, как образованный китаец»¹.

За 14 лет пребывания в Пекине Бичуриным были написаны все основные, впоследствии изданные в России труды, или подготовлены исчерпывающие материалы для них. Покидая Китай, Бичурин на 15 верблюдах вывез огромную библиотеку весом в 400 пудов. Там были книги для библиотеки Азиатского департамента Министерства иностранных дел, Императорской Публичной библиотеки в Петербурге, Училища азиатских языков в Иркутске.

Пасмурно и холодно встретил Петербург в 1822 году девятую миссию. Строго отнеслось к о. Иакинфу высшее духовное начальство. По доносу Иркутского губернатора Пестеля и архимандрита П. Каменского, сменившего Бичурина в Пекине, Иакинф обвинялся в допущении беспорядков в миссии. Но своенравный и вспыльчивый, он отказался дать какие-либо объяснения, и наказание последовало незамедлительно. Синод повелевает: «Архимандрита Иакинфа, как недостойного носить звание священнослужителя, под строжайшей епитимией навечно сослать в Валаамский монастырь». С собой не разрешили взять ничего, даже чернильницы. Были предприняты попытки уничтожить рукописи Бичурина как «языческие».

Валаамское уединение было, несомненно, тягостным для деятельного Иакинфа. Но отчаяние, охватившее его, длилось недолго. Больше всего его волновала судьба незавершенных трудов. Он жаждал деятельности, работы над своими любимыми рукописями.

Прошло немало времени, прежде чем Бичурин, расположив к себе игумена Иннокентия, настоятеля Валаамского монастыря, получил возможность работать: переводить китайских историков, писать записки о Монголии. А по вечерам – обязательная исповедь перед игуменом.

Тем временем ученые круги столицы знакомились с оригинальными трудами и переводами китайских сочинений, сделанными Иакинфом на Валааме. Чиновник Министерства иностранных дел барон Шиллинг фон Капштадт, большой знаток и любитель Востока, друг Иакинфа, не раз принимавший живое участие в его жизни, доложил, что Бичурин, несомненно, будет бесценен для Азиатского Департамента МИД как переводчик, так как владеет в совершенстве классическими языками, свободно изъясняется на латыни, не говоря уже о китайском языке, а из современных западных языков не знает лишь английского. И в 1826 году на ходатайстве Министра иностранных дел графа Нессельроде Николай I начертал резолюцию: «Причислить монаха Иакинфа к Азиатскому департаменту».

Как монаху о. Иакинфу было определено место жительства в Александро-Невской лавре. Быстрота, с которой он писал свои труды, посвященные не только Китаю, но и Тибету, Монголии, Восточному Туркестану, Средней Азии, его неутомимость, плодовитость были предметом удивления современников. «Трудолюбивый о. Иакинф не перестает разрабатывать обширные поля, на которых у нас не

¹ Никитенко А. В. Записки и дневник (1826 – 1877). СПб., 1893.

только не имеет соперников, но даже людей, которые б могли ценить его заслуги, любоваться, гордиться им», – писал журнал «Телескоп»².

17 декабря 1828 года Бичурин избрали членом-корреспондентом Императорской Академии наук по отделу литературы и древности Востока. Тем самым был официально признан его научный вклад в отечественное востоковедение, узаконены его занятия наукой, ограждая, в известной степени, его рукописи и книги от посягательств духовных властей.

В декабре того же года директор Публичной библиотеки в Петербурге А. Н. Оленин писал Министру народного просвещения Д. Н. Блудову о том, что никто из известных ему ученых или чиновников, кроме Иакинфа, не может составить подробное описание той значительной коллекции китайских и манчжурских книг, которая скопилась в библиотеке. Иакинф, опубликовавший к этому времени свои книги «Описание Тибета» и «Записки о Монголии», по настоянию Оленина был избран почетным библиотекарем, после чего приступил к составлению каталога восточной коллекции книг.

Блестяще владея китайским языком и хорошо зная манчжурский, Бичурин к концу 1829 года подготовил «Реестр китайских и манчжурских книг», находящихся в Императорской Публичной библиотеке. Это первая, но не последняя библиографическая работа русского востоковеда содержала бесчисленную информацию о китайских и манчжурских ксилографах. Библиографии Иакинфа, которые стали свидетельствами его блестящих лингвистических способностей и редкой эрудиции, актуальны и в наши дни. В дар Публичной библиотеке Бичурин также передал 49 своих рисунков китайских, манчжурских, монгольских, корейских и туркестанских мужских и женских костюмов.

В Петербурге Иакинф встретил свою юношескую любовь – Таню. У него появилась возможность больше не быть одиноким. Монашество все более и более тяготит его. Но митрополит Серафим отклонил его ходатайство, поданное в Синод. 19 февраля 1830 года Бичурин покинул Петербург в составе ученой экспедиции к границе Китая – Кяхты. Ему предстояло завершить все труды, посвященные истории и географии азиатских народов, сопредельных России и Китаю, и приступить к следующему этапу своей грандиозной работы – описанию Китая.

Из Кяхты идут письма и статьи – для «Литературной газеты» в Петербург и для «Московского телеграфа» в Москву. Здесь Бичурин знакомится с декабристом Бестужевым, который в знак дружбы дарит ему четки и крест, сделанные из собственных оков, пишет акварельный портрет о. Иакинфа.

Время летит быстро... И вот записки составлены, проекты подготовлены, книги отправлены в Петербург, китайская грамматика с помощью Шиллинга отлитографирована. Бичурин собрал любопытнейший материал для будущих книг о Китае. Снова Петербург! Снова с Иакинфом рядом Таня, помогая ему жить и работать над материалами, привезенными из Кяхты. Пройдет некоторое время, прежде чем можно будет получить разрешение Синода о снятии духовного сана. Но последнее слово за царем. Резолюция Николая I убила все надежды: «В 20-й день сего мая (1832 г.) высочайше повелеть соизволил: оставить на жительство по-прежнему в Александро-Невской лавре, не дозволяя оставлять монашество».

Эти 20 лет, проведенные в ненавистных стенах лавры, под неустанным надзором духовного и светского начальства, цензуры, борясь с начавшейся в последние годы тяжелой болезнью, Иакинф будет неустанно трудиться, занимаясь изучением

² Цит. по: Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950. С. 16.

не только своего любимого детища – Китая, но и других стран Центральной и Восточной Азии. Именно за последние 20 лет Иакинф завершит свои самые фундаментальные труды, напишет свои главные монографии.

Впервые мировая наука познакомится с огромным богатством исторических памятников древнего и средневекового Китая. Досконально и тщательно прокомментированные, они составят фундамент пятнадцати книг, бесчисленного числа статей, очерков, рецензий, полемических заметок, которые на протяжении этих двадцати лет станут регулярно появляться на страницах российских и зарубежных газет и журналов.

Имя Бичурина появилось в периодических изданиях, когда Пушкин был в расцвете сил, в зените славы, а его последние труды – в одно время с первыми повестью Л. Н. Толстого. Смертоносное дыхание «жесточкого века» трагически прикоснулось не только к Пушкину, Лермонтову, Белинскому, Полежаеву, Герцену, Достоевскому; страшным повелением – «не дозволяя оставлять монашества» – оно коснулось и Бичурина, вольнодумца в рясе.

Возвратясь в Петербург после восстания декабристов, Бичурин оказался в затруднительном положении. Ему нелегко было разобраться в общественно-политических взглядах публицистов и ученых, в официальной политике двора. Трудность выбора усугублялась длительным четырнадцатилетним пребыванием в Китае, Валаамской ссылкой и, наконец, стремлением публицистов различных направлений привлечь китаеведа в свои ряды. Их интересуют не только научные труды Бичурина, но и личность вольнодумного монаха.

Даже расставшись с надеждой избавиться от иночества, Иакинф не отгородился стенами лавры от внешнего мира. М. П. Погодин вспоминает, что в литературном салоне В. Ф. Одоевского, знаменитого литератора, музыканта, ученого, «сходились веселый Пушкин и отец Иакинф (Бичурин) с китайскими, сузившимися глазами»³. Дружеские отношения с А. С. Пушкиным восходят ко времени выхода синолога из Валаамского монастыря и ознаменованы не одной дарственной надписью на востоковедческих книгах. Так на своей книге «Описание Тибета» Бичурин написал: «Милостивому государю моему Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика в знак истинного уважения. Апреля 26, 1828 года. Переводчик Иакинф Бичурин».

Круг петербургских литераторов, в котором с 20-х годов вращался знаменитый китаевед, весьма значителен. Это Крылов, Белинский, Сенковский, Панаев, Сомов, Полевой, Гончаров, Плетнев, Вяземский, А. Краевский и др. Тесные деловые связи были у Бичурина и с московскими литераторами.

И до Бичурина, и после него были в Петербурге люди, прожившие не один десяток лет в Китае, но они не оставили такого яркого следа, как Иакинф. Бичурин, глубоко и квалифицированно познакомивший Россию с соседней страной, с ее историей, географией, культурой, был явлением феноменальным для русской науки и литературы, которые до тех пор не знали ученого-востоковеда такого уровня.

1842 год ознаменовался выходом в свет самого самостоятельного и оригинального среди других сочинений о. Иакинфа – «Статистического описания Китайской Империи», обогатившего науку массой новых и точных сведений о Китае, почерпнутых из китайских источников. Блестящий труд Бичурина был напечатан на средства Академии наук с присуждением автору очередной полной Демидовской

³ Погодин М. П. В память о князе В. Ф. Одоевском. М., 1869. С. 56.

премии. Всего же этой высокой награды Бичурин удостоивался четырежды. Бичурин один сделал для славы и чести Китая, всей мировой науки столько, сколько может сделать целое научное общество.

Опубликованные научные работы Бичурина составляют 7,5 тысяч страниц печатного текста, а рукописное наследство превышает 10 тысяч листов. Его научное наследство до настоящего времени сохраняет свою ценность и авторитет. Эти произведения служат необходимыми пособиями для российских и европейских ученых при исследовании истории, культуры, быта, морали, оригинальной религии, медицины Китая и других стран Центральной и Восточной Азии.

Особую актуальность наследие выдающегося синоведа приобретает именно сегодня, когда после долгих лет прохладных отношений с Китаем наши народы вновь протянули друг другу руки. Только живые контакты и преодоление запретных кордонов могут привести нас к полному взаимопониманию и процветанию.